

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Люк Болтански, Арно Эскер

Обогащение. Критика товара¹

БОЛТАНСКИ Люк (Boltanski, Luc) — директор по исследованиям Института междисциплинарных исследований социальных проблем (IRIS—EHESS). Адрес: Франция, 75006, г. Париж, бульвар Распай, д. 54.

Email: boltansk@ehess.fr

Публикуется с разрешения Издательства Института Гайдара

Цель книги «Обогащение. Критика товара» заключается в том, чтобы описать трансформацию капитализма, которая, по мнению авторов, особенно ощутима в государствах, бывших некогда колыбелью европейского промышленного могущества. Работа проводится в двух направлениях — историческом и аналитическом. Объектом первого направления являются экономические изменения, которые начиная с последней четверти XX века коренным образом трансформировали способ создания богатства в странах Западной Европы. Эти изменения включают, с одной стороны, деиндустриализацию, с другой — возросшую эксплуатацию ресурсов, которые не являются абсолютно новыми, но представляют собой наследие прошлого. Цель второго направления — понять, как весьма различные товары могут породить транзакции, являющиеся в глазах продавцов или же покупателей вполне нормальными и более или менее соответствующими предварительным ожиданиям. С точки зрения теории авторы книги развивают подход прагматического структурализма, позволяющий сочетать социальную историю и анализ когнитивных компетенций, которые задействуют акторы в своих действиях. Что касается эмпирических данных, то авторы, сочетая статистические данные с многочисленными формальными и неформальными интервью, сосредотачиваются на случае Франции, где, по их мнению, трансформации проявляются с наибольшей чёткостью.

Журнал «Экономическая социология» публикует фрагменты из второй главы книги — «На пути к обогащению», где определяются основные характеристики экономики обогащения и источники её формирования. Под экономикой обогащения авторы понимают экономику, которая не столько держится на производстве новых вещей, сколько берётся обогащать уже наличествующие вещи, в основном связывая их с определёнными нарративами.

Ключевые слова: капитализм; экономика обогащения; стоимость; товары; прагматический структурализм; Франция.

Глава 2. На пути к обогащению

Характеристики экономики обогащения

Области, которыми занимается экономика обогащения, не только дополняют секторы индустриальной экономики как некий набор видов деятельности, способных внести свой вклад в общий баланс. Экономика обогащения характеризуется особенностями, экономические и социальные последствия которых имеют грандиозный масштаб. Она основана на механизмах, во

¹ Болтански Л., Эскер А. 2020. *Обогащение. Критика товара*. М.: Издательство Института Гайдара. Перев. с франц.: Boltanski L., Esquerre A. 2017. *Enrichissement. Une critique de la marchandise*. Paris: Éditions Gallimard. 672 p.

ЭСКЕР Арно (Esquerre, Arnaud) — научный сотрудник Института междисциплинарных исследований социальных проблем (IRIS—EHESS). Адрес: Франция, 75006, г. Париж, бульвар Распай, д. 54.

Email: arnaud.esquerre@ehess.fr

многих отношениях резко отличающихся от механизмов индустриальной экономики. Не углубляясь в их анализ, приведём несколько примеров.

Промышленные продукты, предназначенные для использования, со временем резко *падают* в цене. Предполагается, что их использование снижает их рабочие характеристики, как это, например, хорошо видно на примере подержанных автомобилей по сравнению с новыми. Будущее промышленного продукта в более или менее отдалённой перспективе сводится к тому, что он становится *отходом*. Из-за этого проблема отходов и их утилизации стала главной заботой индустриальных обществ.

В то же время вещи, занимающие центральное место в экономике обогащения, могли долгое время считаться отходами, оставленными без внимания, забытыми на чердаках, брошенными в подвалах или зарытыми в землю. Как полагает антрополог Майкл Томпсон в эпохальном труде «Rubbish Theory» («Мусорная теория») [Thompson 1979], большая часть вещей, которыми мы восхищаемся сегодня в выставочных залах, представляющих ценные коллекции, или в музеях, оказывалась в тот или иной момент своей жизни отходами. В целом стоимость наиболее значительных вещей в экономике обогащения может *со временем возрастать*, что идёт вразрез с судьбой, уготованной промышленным продуктам. Именно эта работа по селекции того, что подлежит забвению или уничтожению, и того, что подлежит сохранению, является основой деятельности и главной заботой тех, кому поручено составлять реестр наследия и кто, сталкиваясь с каждым из объектов, принадлежащих к неограниченному миру вещей, стремящихся к сохранности, должен принимать предопределяющие решения относительно их дальнейшей судьбы (см.: [Melot 2012]; см. также об этнографии процессов селекции: [Heinich 2009]).

Действительно, наиболее ценные объекты в экономике обогащения не предназначены для удовлетворения потребностей, а многие из них — даже для какого бы то ни было *использования*. Они обретают свою уместность в иных формах существования, подчиняющегося логике *коллекционирования*. Разумеется, это относится к антиквариату и к произведениям искусства. Но также ко многим продуктам индустрии роскоши. Такие предметы, даже если они могут эпизодически удовлетворять повседневные потребности, приобретаются вовсе не для этого. Те, кто их приобретает, как правило, уже владеют каким-то количеством функционально подобных предметов (несколькими автомобилями класса люкс, большим количеством дорогих сумок из натуральной кожи и т. п.). Факт появления перед другими в окружении дорогостоящих предметов безусловно заслуживает внимания. Эффекты превосходства, на которые социологи и экономисты со времён Торстейна Веблена [Veblen 1970 (1899)] не переставали ссылаться, анализируя мотивы расходов на показное потребление предметов роскоши, осуждение такого потребления, очевидно, имеют своё основание. Тем не менее, похоже, довольно часто эти дорогостоящие вещи хранятся вдали от чужих глаз, а то и от глаз самого коллекционера в случаях крупных собраний. Создаются они в основном с целью сохранения, иногда для одинокого созерцания, взаимодействуют с другими предметами того же рода согласно логике, весьма близкой к логике коллекционирования.

Функционирование эксклюзивных винных погребов является особенно поразительной иллюстрацией такой страсти к накоплению, которая, преследуя цель составления полных серий, обусловлена желанием *заполнить нехватку* в определённых ансамблях в процессе их формирования. Так, коллекционеры вин будут, например, пытаться приобрести все бутылки хороших годов, отдельных вин или определённых шато [Garcia-Parpet 2009: 153]. Итак, одним из главных мотивов, которым подчиняется поведение внутри сообщества коллекционеров, является желание обладать определёнными экземплярами, чтобы заполнить нехватку в отношении некоей идеальной совокупности. Такое поведение особенно показательно, когда оно проявляется в отношении напитков, потому что в данном случае оно выглядит крайне парадоксальным. Либо содержимое бутылки используется, то есть выпивается, что откладывает на неопределённый срок формирование полной коллекции, или коллекция предстаёт больше собранием этикеток, нежели собственно вин. В самом деле, в случае с винами гран крю, условия старения которых значительно влияют на их вкус, референтная связь между тем, что написано на этикетке, и содержимым бутылки всегда содержит нечто относительно неопределённое. Сюда же относится, если взять другой случай, тип коллекционеров, покупающих изделия из кожи (например, сумки Hermès) относительно недавнего производства, которыми торгуют крупные аукционные дома, специализирующиеся в основном на антиквариате и произведениях искусства, но также на старых моделях часов, драгоценностей, одежды, дизайнерской мебели или на марках автомобилей, ставших объектами коллекционирования. В этой логике спрос на какую-либо вещь не уменьшается при достижении точки насыщения, как в случае с вещами, соответствующими потребностям, но, как это особенно хорошо видно в случае коллекций, наоборот, лишь растёт по мере накопления. Самым вождельным предметом будет тот, которого не хватает для завершения целого.

Как устанавливается стоимость наиболее значимых объектов в экономике обогащения, или, другими словами, как строятся аргументы, позволяющие оправдать их цену? В первую очередь, речь не идёт о затратах на производство, которые либо вовсе отсутствуют, когда вещь извлекается из залежей прошлого, либо второстепенны, как, например, в случае с высокой парфюмерией, где содержимое флакона составляет менее 10% продажной цены товара в магазине. Если рассматривать затраты, следует принимать в расчёт не столько собственно затраты на производство, сколько затраты на реставрацию и сохранение² в случае с предметами старины, и с тем, что можно назвать затратами на *валоризацию*.

Следуя предыдущим замечаниям, можно схематично набросать картину двух идеальных типов экономики, противостоящих друг другу: (1) экономика, сконцентрированная на промышленном производстве, и (2) экономика, основанная на том, что можно назвать процессами *обогащения* вещей. Напомним, что термин «обогащение» используется не только для того, чтобы указать, что вещи, на которых строится эта экономика, предназначаются главным образом богатым, но также для того, чтобы обозначить те операции, которым эти вещи подвергаются для увеличения их стоимости и роста цены.

Термин «экономика обогащения» кажется нам более предпочтительным, чем термин «символическая экономика», чаще используемый в работах, направленных на выявление специфики области «культурной»³ социоэкономики, часто основанных на главных работах Пьера Бурдьё [Bourdieu 1971]. В самом деле, определение «символическая» нам кажется одновременно слишком широким и слишком расплывчатым для обозначения тех операций, на которых мы концентрируем внимание. Если сделать акцент на функциях дифференциации культурных благ, рассматриваемых с точки зрения спроса, то различные виды нехватки, которую хотят восполнить те, кто их ищет, сводятся к одному-единственному измерению, каковым является престиж или социальное отличие, тогда как точка зрения спроса, то есть

² Проблема, которую игнорирует Жан-Пьер Кометти, когда рассматривает этот вопрос [Cometti 2016].

³ Эта тема разрабатывалась в американской социологии: [Di Maggio 1987; Zukin 1995]; о понятии «символическое имущество» в поле культуры см.: [Lamont, Fournier 1992].

продавца, который должен дифференцировать свою продукцию, чтобы быть более конкурентоспособным, остаётся недооценённой или просто игнорируется. Кроме того, нет вещи, которая не имела бы «символического» измерения, когда она включается в отношения между людьми и приобретает новые смыслы. Можно, впрочем, сделать схожее замечание по поводу употребления Жаном Бодрийаром термина «знак» и его проекта построения общей семиологии вещей. И в точности также нет операции, связанной с символами или знаками, которая не имела бы оснований и последствий в мире вещей. Отдавая предпочтение оппозиции (зачастую ошибочно возводимой к К. Марксу) между тем, что является материальным и нематериальным, данный подход недооценивает тот факт, что все вещи, включаемые в экономику, могут рассматриваться в этих двух аспектах⁴. Тогда становится трудно анализировать различные способы, с помощью которых их комбинируют разные типы экономик. А ведь именно эти комбинации с присущей им специфичностью и характеризуют различные способы формирования ценнообразования, что даёт место коммерции, то есть различным экономикам. Недостаток понятия «мир искусства», пущенного в обиход Говардом Беккером для обозначения «всех людей, чья деятельность необходима для создания особых произведений, которые в этом мире (и потенциально в других) определяются как искусство» [Becker 2010 (1982): 58], заключается в том, что оно имеет слишком ограниченное значение; кроме того, акцент в нём делается на деятельности людей без должного внимания к обращению вещей, их цене и стоимости.

Нет вещи, которую нельзя обогатить, будь она родом из более или менее отдалённого прошлого или продуктом современного производства, включающего процесс обогащения. Но вещь — причём любая — может быть обогащена разными способами: возможно физическое обогащение (например, в случае старого жилья путём выставления напоказ несущих балок) и (или) культурное обогащение (например, путём сопоставления с другими вещами, с которыми вещь гармонирует). Культурное обогащение всегда предполагает включение *нарративного диспозитива*, с тем чтобы отобразить в феноменальном множестве те отличия, представляющие определённую вещь, то есть различия, расцениваемые как особо значимые, поэтому именно они должны быть выставлены на первый план в дискурсах, которые сопровождают её обращение. В этом смысле основным источником экономик обогащения является создание и оформление различий и идентичностей.

Месторождения экономики обогащения

Если попытаться понять, как формируется экономика обогащения, то Франция в масштабе целого государства представляет собой парадигматический пример ввиду его и локального, и глобального характера. Трансформация подобного рода наблюдается также в таких государствах, как Италия или Испания, либо в более локальном масштабе, в городах или даже в городских районах, таких как Хай-Лайн в Нью-Йорке (линия железной дороги, введённая в действие в начале XIX века и преобразованная в начале XXI столетия в прогулочное пространство, украшенное произведениями современного искусства, в старом промышленном квартале, превратившемся в центр художественных галерей и роскошных магазинов) (см.: [Halle, Tiso 2014]). Следует отметить, что изменения, которые мы пытаемся выявить, всегда коренятся в *бассейне обогащения*, характеризующемся благоприятными историческими и географическими условиями.

Стало быть, можно попробовать применить к интересующему нас процессу тот же подход, который использовали некоторые историки для рассмотрения изменений, затронувших сперва на весьма ло-

⁴ Здесь мы согласны с Корнелиусом Кастириадисом: «Всё, что предстаёт перед нами в социально-историческом мире, неразрывно вплетено в символическое <...> Многочисленные материальные продукты, без которых общество не проживёт и минуты, не являются (не всегда или напрямую) символами. Но и те и другие невозможны вне символической сети [174]. Следовательно, «символическое» не может рассматриваться как «простое нейтральное облачение», равно как принадлежащее к «чистой логике», которое накладывается на другой тип порядка, называемый «рациональным» [Castoriadis 1975: 175].

кальном уровне определённые регионы Великобритании в конце XVIII — первой трети XIX века, после чего они распространились по всему миру, ознаменовав то, что называют Первой промышленной революцией. Как утверждал специалист по демографической истории Эдвард Энтони Ригли, эта «революция» была не только результатом развития разделения труда [Wrigley 1990; Wrigley 2010]. Она явилась также и даже в основном результатом изменений в эксплуатации ресурсов для создания богатства. До начала XIX века главный источник создания богатства имел органическую природу: сельское хозяйство, животноводство, шерсть, древесина, тягловый скот и т. д. По этой причине, согласно Ригли, великие классические экономисты от Адама Смита до Томаса Мальтуса и Давида Рикардо придерживались пессимистического взгляда на будущее. По их словам, рост населения не может быть компенсирован введением в эксплуатацию новых земель, отдача от которых будет уменьшаться, поскольку лучшие земли уже культивированы. Но всё более и более интенсивная эксплуатация месторождений ископаемых, имеющих, безусловно, органическое происхождение (в основном угля), погружает нас в весьма отдалённое прошлое и опровергает, согласно Ригли, эти пророчества. Будучи приверженцем количественных методов в истории, Ригли выявляет новую роль данного энергетического ресурса, на котором построено развитие машинного производства. Ригли использует анализ финансовых потоков, быстро перемещавшихся от сельского хозяйства к шахтам и фабрикам, что свидетельствовало о том значении, которое владельцы капиталов придают этому главному источнику создания богатства. Но это не исключает по причинам, связанным не с природой богатств, а с формами господства, влияющими на распределение богатств, сохранения неравенства столь же ощутимого, как и в предыдущем веке, и даже продолжающего возрастать в последующие десятилетия. Усугубление неравенств могло бы продолжаться бесконечно, если бы развитие пауперизма не привело к возрождению критики, обусловленному формированием и ростом влияния рабочего движения.

В качестве гипотезы можно провести аналогию между феноменом, чьи контуры были только что очерчены, и процессами, происходящими в современной Франции. Экономика обогащения соответствует не только растущей специализации в области культуры и всё более очевидному симбиозу между этой областью и сферой торговли, но оригинальному способу создания богатства, основанному на гораздо более интенсивной, чем это было до сих пор, эксплуатации *специфических месторождений*, образованных из накопленных веками залежей, главным методом валоризации которых является *наративность*.

Речь идёт об экономике, черпающей своё содержание из *прошлого*. Следовательно, эта экономика прошлого основана главным образом не на промышленном и серийном производстве стандартной продукции, которая продаётся только новой, а на валоризации *уже существующих вещей*, таких как антиквариат, или, как говорят сегодня, *винтажных* предметов из менее отдалённого прошлого, а также памятников, зданий, достопримечательностей — короче говоря, всего того, что и составляет обширную область, именуемую *наследием*. Но это относится и к предметам искусства, даже когда они являются работами современных художников, каковые, если их ценность признана, могут быть вписаны во временной план, вырывающий их из настоящего, с тем чтобы рассматривать в проекции будущего, как если бы они уже принадлежали прошлому, или, если угодно, чтобы наделить их своего рода *бессмертием*, поскольку они предназначены для бесконечного хранения, роль которого отводится музеям.

Следует, однако, отметить, что эксплуатация данного вида богатства была на данный момент весьма неравной в рассматриваемых странах и зависимой от разных переменных, главным образом от степени, в которой в разных государствах владельцы капитала могли рассчитывать на рабочую силу, легко поддающуюся эксплуатации, но не требующую при этом слишком специфических компетенций. В то время как прямые иностранные инвестиции были направлены в развивающиеся страны, использующие в изобилии низкооплачиваемый пролетариат, инвестиции в экономику обогащения были направлены главным образом в страны Запада. Эти страны начиная с 1960-х гг. были отмечены весьма значи-

тельным распространением среднего и в особенности высшего образования, которое предоставило в распоряжение новой экономики хорошо подготовленную и обильную рабочую силу, лишённую каких бы то ни было организаций. Те, кто её составлял, особенно когда их компетенции находились в области литературы или искусства, с трудом получали доступ к постоянным должностям в крупных промышленных, коммерческих и финансовых фирмах. Столкнувшись с угрозой безработицы, они соглашались на временные, нестабильные, низкооплачиваемые позиции, зачастую ниже тех, на которые позволяло им полученное образование, если оценивать его по котировкам предыдущего периода. Главным для таких специалистов было то, что принятые ими позиции способны поддерживать их культурные потребности, сформированные в процессе обучения.

Следует также учитывать и второй фактор. Речь идёт о существовании в странах Западной Европы обильных патримониальных месторождений, которые были образованы в давние времена и — в случае Франции — систематически эксплуатировались, сохранялись и реабилитировались со времён Великой революции, поскольку государство видело в них инструменты национальной унификации внутри страны и национального престижа за её пределами, как об этом свидетельствуют работа по инвентаризации и развитие музеев в течение XIX и XX веков [Poulot 2008]. Месторождения, эксплуатируемые экономикой обогащения, никогда не являются лишь хранилищами старых вещей, но постоянно требуют работы по валоризации прошлого, которая опирается на более или менее очевидные следы, но, в принципе, должна осуществляться всеми политическими структурами, поскольку оправдывает себя в отношении прошлого и, следовательно, может им располагать.

Следует, однако, отметить, что во Франции это освоение того, что называют национальным наследием⁵, вело своё начало от, если перефразировать Маркса, *первоначального накопления* культурного капитала и, так же как и то, о чём говорит Маркс, не имело чисто коммерческого происхождения, но в значительной мере было результатом насилия, то есть военных и хищнических действий государства, которое во Франции, особенно со времён Великой революции и войн Империи, подвергло разрушению многочисленные замки, аббатства, церкви и т. п., грабило побеждённые страны, затем — колонии. Как показала Бенедикт Савуа, в начале XIX века барон Доминик Виван-Денон⁶ руководил перевозом в Париж многочисленных предметов искусства, собранных немецкими дворами, оправдывая свои действия тем, что, «поскольку произведения искусства» являются «плодом гения свободы», они, естественно, должны «жить на земле свободы» [Savoy 2003].

Литература

Becker H. S. 2010 (1982). *Les Mondes de l'art*. Paris: Flammarion, coll. Champs.

Bourdieu P. 1971. Le marché des biens symboliques. *L'Année sociologique*. 22: 49–126.

Castoriadis C. 1975. *L'Institution imaginaire de la société*. Paris: Seuil.

Cometti J.-P. 2016. *Conserver/Restaurer. L'œuvre d'art à l'époque de sa préservation technique*. Paris, Gallimard, coll. NRF essais.

DiMaggio P. 1987. Classification in Art. *American Sociological Review*. 52 (4): 440–455.

Garcia-Parpet M.-F. 2009. *Le Marché de l'excellence. Les grands crus à l'épreuve de la mondialisation*. Paris: Seuil.

⁵ О формировании национального наследия см.: [Kowalski 2012; Kowalski 2007].

⁶ Основатель и первый директор Музея Лувра; годы жизни: 1747–1825. — *Примеч. ред.*

- Halle D., Tiso E. 2014. *New York's New Edge. Contemporary Art, the High Line, and Urban Megaprojects on the Far West Side*. Chicago: University of Chicago Press.
- Heinich N. 2009. *La Fabrique du patrimoine*. Paris: Éditions de la MSH.
- Kowalski A. 2007. State Power as Field Work: Culture and Practice in the French Survey of Historic Landmarks. In: Sennett R., Calhoun C. (eds) *Practicing Culture*. London: Routledge; 82–104.
- Kowalski A. 2012. The Nation, Rescaled: Theorizing the Decentralization of Collective Memory in Contemporary France. *Comparative Studies in Society and History*. 54 (2): 308–331.
- Lamont M., Fournier M. 1922. *Cultivating Differences. Symbolic Boundaries and the Making of Inequality*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Melot M. 2012. *Mirabilia. Essai sur l'inventaire général du patrimoine culturel*. Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque des idées.
- Poulot D. 2008. *Une histoire des musées en France*. Paris: La Découverte.
- Savoy B. 2003. *Patrimoine annexé. Les biens culturels saisis par la France en Allemagne autour de 1800*: 2 vols. Paris: M. S. H.
- Thompson M. 1979. *Rubbish Theory. The Creation and Destruction of Value*. Oxford: Oxford University Press.
- Veblen T. 1970 (1899). *Théorie de la classe de loisir*. Paris: Gallimard.
- Wrigley E. A. 1990. *Continuity, Chance & Change. The Character of the Industrial Revolution in England*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wrigley E. A. 2010. *Energy and the English Industrial Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zukin S. 1995. *The Culture of Cities*. Oxford: Blackwell.

NEW TRANSLATIONS

Luc Boltanski, Arnaud Esquerre

Enrichment: A Critique of Commodities (excerpts)

BOLTANSKI, Luc —

Research Director, Institute of Interdisciplinary Research on Social Issues (IRIS—EHESS). Address: 54 bd Raspail, Paris, 75006, France.

Email: boltansk@ehess.fr

ESQUERRE, Arnaud — Research Fellow, Institute of Interdisciplinary Research on Social Issues (IRIS—EHESS). Address: 54 bd Raspail, Paris, 75006, France.

Email: arnaud.esquerre@ehess.fr

Abstract

The authors of this book argue that Western capitalism has recently undergone a fundamental transformation that especially apparent in those countries responsible for European industrial primacy. There are two significant dimensions of the work: historical and analytical. The first dimension focuses on economic changes that have been observed since the late 20th century and dramatically modified the way value and wealth are created today: on one hand, the transformation characterized by de-industrialization; and, on the other, the increased exploitation of certain resources that, while not entirely new, have taken on an unprecedented importance. The second direction aims to understand how different commodities can generate transactions perceived as normal by buyers and sellers and that fit preliminary expectations to a certain degree. From a theoretical perspective, the authors deliberate pragmatic structuralism that combines social history with the analysis of cognitive competences upon which actors rely. In terms of empirical data, the authors use statistics enriched with a set of various formal and informal interviews, focusing on France as a case where the mentioned transformation is more distinctive.

The Journal of Economic Sociology publishes some excerpts from the second chapter “Toward Enrichment” where the authors define the main sources and benefits of the enrichment economy. The enrichment economy is based less on producing new objects and more on enriching existing things and places by connecting them with specific narratives.

Keywords: capitalism; enrichment economy; value; commodities; pragmatic structuralism; France.

References

Becker H. S. (2010 [1982]) *Les Mondes de l'art*, Paris: Flammarion, coll. Champs.

Bourdieu P. (1971) Le marché des biens symboliques. *L'Année sociologique*, vol. 22, pp. 49–126.

Castoriadis C. (1975) *L'Institution imaginaire de la société*, Paris: Seuil.

Cometti J.-P. (2016) *Conserver/Restaurer. L'œuvre d'art à l'époque de sa préservation technique*, Paris: Galimard, coll. NRF essais.

DiMaggio P. (1987) Classification in Art. *American Sociological Review*, vol. 52, no 4, pp. 440–455.

Garcia-Parpet M.-F. (2009) *Le Marché de l'excellence. Les grands crus à l'épreuve de la mondialisation*, Paris: Seuil.

- Halle D., Tiso E. (2014) *New York's New Edge. Contemporary Art, the High Line, and Urban Megaprojects on the Far West Side*, Chicago: University of Chicago Press.
- Heinich N. (2009) *La Fabrique du patrimoine*, Paris: Éditions de la MSH.
- Kowalski A. (2007) State Power as Field Work: Culture and Practice in the French Survey of Historic Landmarks. *Practicing Culture* (eds. R. Sennett, C. Calhoun), London: Routledge, pp. 82–104.
- Kowalski A. (2012) The Nation, Rescaled: Theorizing the Decentralization of Collective Memory in Contemporary France. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 54, no 2, pp. 308–331.
- Lamont M., Fournier M. (1922) *Cultivating Differences. Symbolic Boundaries and the Making of Inequality*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Melot M. (2012) *Mirabilia. Essai sur l'inventaire général du patrimoine culturel*, Paris: Gallimard, coll. Bibliothèque des idées.
- Poulot D. (2008) *Une histoire des musées en France*, Paris: La Découverte.
- Savoy B. (2003) *Patrimoine annexé. Les biens culturels saisis par la France en Allemagne autour de 1800*: 2 vols., Paris: M. S. H.
- Thompson M. (1979) *Rubbish Theory. The Creation and Destruction of Value*, Oxford: Oxford University Press.
- Veblen T. (1970 [1899]) *Théorie de la classe de loisir*, Paris: Gallimard.
- Wrigley E. A. (1990) *Continuity, Chance & Change. The Character of the Industrial Revolution in England*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Wrigley E. A. (2010) *Energy and the English Industrial Revolution*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Zukin S. (1995) *The Culture of Cities*, Oxford: Blackwell.

Received: January 8, 2020

Citation: Boltanski L., Esquerre A. (2020) Obogashchenie. Kritika tovara [Enrichment: A Critique of Commodities (excerpts)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 5, pp. 47–55. doi: [10.17323/1726-3247-2020-3-47-55](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-3-47-55) (in Russian).